

Дарья Ратникова

Я — ДАНЬ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Р25

Ратникова, Д.

Р25 Я — Дань / Д. Ратникова. — М.: Т8 Издательские технологии/ RUGRAM, 2021. — 176 с.

ISBN 978-5-521-91865-2

— Идущий на смерть, приветствует тебя! — Марк по традиции поклонился гесту, потом его воинам и только затем вышел в круг. Трибуны взревели, приветствуя его.

Я вцепилась руками в мраморный бортик, надеясь, что синтары не сотрут сразу Марка в порошок за его дерзость. Ну я же просила не вмешиваться! Просила ведь! Таков обычай, что раз в десять лет они прилетают, чтобы собрать дань с подвластных земель. И по условиям договора в качестве дани всегда выступают младшие дочери в королевских родах — десять дочерей из десяти родов. И кто виноват, что в одном из десяти родов младшей дочерью родилась я?

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Ратникова Д., 2021
© Арсеньева А., оформление, 2021
© Т8 RUGRAM, 2021
ISBN 978-5-521-91865-2 © Т8 Издательские технологии, 2021

ПРОЛОГ

— Идущий на смерть приветствует тебя! — Марк по традиции поклонился гесту, потом его воинам и только затем вышел в круг.

Трибуны взревели, приветствуя его.

Я вцепилась руками в мраморный бортик, надеясь, что синтары не сотрут сразу Марка в порошок за его дерзость.

Ну я же просила не вмешиваться! Просила ведь!

Таков обычай: раз в десять лет они прилетают, чтобы собрать дань с подвластных земель. И по условиям договора в качестве дани всегда выступают младшие дочери королевских семей — десять дочерей из десяти родов. Конечно, было по-разному. Не только ведь дочери рождались в десяти родах. Но синтары все равно были милосердны и принимали дань. И кто виноват, что в одном из десяти родов младшей дочерью родилась я?

Мать после моих родов так и не оправилась и сошла в могилу к праотцам, и я с детства знала, что младшая в роду. Даже если бы отец женился второй раз, младшей всё равно считалась бы я — по первому браку, так заведено. Но отец слишком любил мать, да и здоровьем не блистал. Через несколько лет и он сошёл вслед за ней в могилу. И остались мы с Марком и Галатой одни. Ну не совсем одни, были дяди, тёти, слуги, гувернантки, но всё равно сиротство я чувствовала очень сильно.

Галата, как только достигла брачного возраста, тут же вышла замуж и уехала в отдалённую провинцию. Мезальянс — её муж был мадром, то есть не имел титула. Но некому было остановить сестру. И мы с Марком остались вдвоём. Вот тут-то и проявился его характер. Он говорил, что лучше умрёт, чем потеряет ещё одну сестру. Я считала его слова пустой бравадой, пото-

му что давно смирилась со своей участью. Жизнь десяти девушек ничто в сравнении с благополучием родной страны — так мне говорили с детства, и я была согласна с этими словами. Если такова цена нашего спокойствия — пусть будет так. Синтары имеют право выдвигать свои требования.

Но Марк, оказывается, не терял времени даром, узнал, что по старинному обычаю самих синтаров (где только нашёл эти обычаи?) он имеет право на ритуальный поединок. Если победит, то может не отдавать меня. А если проиграет... Но об этом я думать не хотела.

Гест хлопнул в ладони, и на трибунах воцарилась тишина. Один из воинов вышел из-за спины геста и встал напротив Марка. Я едва сдержала вскрик — это был тот синтар, что помог мне недавно. Его белые волосы развевались на ветру. Воин перекинул меч в левую руку, и я закусила губу — он ещё и левша. О Создатель!

Марк, держись!

Наконец, прозвучал сигнал, долгий и протяжный, похожий на всхлип. И когда он затих, начался бой. Я смотрела, не отрываясь, как в смертельном поединке сошлись Марк и тот беловолосый, и кусала губу. Если бы бой шёл не из-за меня, не выдержала бы, закрыла глаза руками и спряталась, но я не могла. Все вокруг знали, что происходит на арене. И это знание делало меня молчаливой заложницей.

И я смотрела до рези в глазах, впиваясь пальцами в портик, так что костяшки побелели. Я видела, что Марк отступает. Он моложе беловолосого синтара, и на его чаше весов лишь тренировки. А беловолосый — воин, настоящий, похожий на своего зверя. Он не просто тренировался — участвовал в настоящих сражениях.

Я отчаянно молила Создателя о снисхождении, но мои молитвы не были услышаны.

Беловолосый достал Марка. Тот пошатнулся и рухнул на одно колено, зажимая левой рукой рану на плече. Меч выпал из

его ослабевшей руки. Я вскрикнула и, не помня себя от ужаса, бросилась вниз умолять о пощаде.

Пока я сбежала по ступеням, беловолосый уже занёс меч для решающего удара. Все взгляды были обращены на него. Люди на трибунах перешёпывались. Но никто не осмелится на открытый бунт ради жизни одного глупца.

Перед самым выходом на арену, ступени, истёртые ногами тысяч узников, превратились в каменное крошево. Я наступила на подол, споткнулась и едва не упала, проклиная это неудобное ритуальное платье. Но так заведено, что девушки, которых отдают в дань, должны быть одеты в белое платье. Уж не знаю, синтары просили об этом или просто молчаливая традиция, но нарушать её никто не смел.

Беловолосый собрался завершить неудобный для всех поединок. И я отчаянно не успевала. Хотела крикнуть, но из горла вырвался только всхлип.

Беловолосый поднял на меня взгляд — тяжёлый, изучающий, словно придавил им меня к земле. Что он хотел прочесть в моих глазах — не знала, но его показались мне пронзительно синими, как небесная твердь. Несколько томительных секунд прошли в ожидании, а потом он бросил меч. Толпа взорвалась воплями восторга. А я, не замечая никого вокруг, бросилась к раненому Марку.

Так свершилась его и моя судьба. То, что должно быть и никому не под силу изменить. Наверное, даже в чужой стране я никогда не забуду этот день, наполненный криками людей, палящей яростью солнца и тяжёлым нагретым воздухом. Прости, Марк, я сразу знала, что твоя затея обречена на провал.

ГЛАВА 1

В комнате было прохладно и тихо. По традиции, девушек, обещанных в дань, накануне отъезда на ночь оставляли одних в храме Создателя, чтобы они могли помолиться, попросить о помощи и подумать в одиночестве.

Мои мысли, наверное, как и мысли сотен предшественниц до меня, были совсем не весёлыми. Я просила Создателя о том, чтобы синтары и дальше защищали мой народ, даже такой ценой. Думала о том, как будет жить без меня Марк и кто родится у Галаты. И разрешат ли нам видаться.

Я знала, что девушки, улетевшие в далёкую северную страну синтаров за моря, никогда не возвращались на родину. И что путь туда труден и почти невозможен. Только на драконе. У нас драконов уже не боялись — привыкли. Они редко прилетали без наездников, и каждое их появление собирало народ.

Мне тогда ещё не было и десяти лет, когда я первый раз увидела дракона. Огромный, огненно-красный, он занял всю главную площадь, от него веяло первовремённой мощью.

Сейчас мне было тяжело. Я навсегда расставалась с родиной, со всем, что мне дорого. Как говорили наставники, я старалась не пускать корни здесь, зная, что со всем этим придётся расстаться. Но мы иногда над чувствами не властны. К тому же я не знала, куда меня везут и для чего. Может быть, нас отдадут в жертву какому-нибудь древнему чудовищу. И хотя синтары не казались такими кровожадными, я задумалась. Что мы вообще о них знали, кроме того, что они нам сказали о себе?

Сильные, статные, прирождённые воины суровой северной страны, наездники, похожие на своих зверей даже цветом глаз

и волос. Говорят, у них какая-то особенная связь, и если разорвать ее, то зверь погибнет.

Я вспомнила, как встретила синтаров на дороге, когда ездила кататься за город. Марку не нравились мои поездки, но он не мог мне запретить — я уже достигла совершеннолетия. Подруг у меня не было, с девушками из других королевских родов я не особо общалась — не было общих интересов, а одно то, что мы обречены быть данью, не делало нас ближе, как ни странно. Но мне это было даже по душе. Я не привыкла быть с кем-то откровенной. Даже с Марком и Галатой не могла поделиться всем тем, что бродило иногда в моей душе.

В тот день, неделю назад, я отправилась на берег озера, как всегда, одна. Погулять, почитать. Стены родного дома давили как никогда. Тяжёлый воздух, казалось, насквозь был пропитан пылью и потом. По дороге двигались обозы, гружённые нехитрым скарбом — люди ехали в столицу попытать счастья.

Вдруг небо закрыла огромная тень. Я подняла голову.

Дракон. Белый. Я ясно видела мощные лапы, покрытые отливающей серебром чешуёй. Я засмотрелась и не удержала свою Ласхи. Она, испугавшись дракона, всхрипнула и понесла. Вцепившись одной рукой в гриву, другой в поводья, я молила только о том, чтобы не раздавить никого. Вот, наверное, и вид у меня был — дочь одного из королевских родов с распущенными волосами и в мужской одежде на лошади, которая, ничего не соображая, несётся во весь опор. Но я почти не испугалась. Было ощущение, что сегодня точно не день моей смерти.

И когда прямо передо мной снизился белый дракон с наездником на спине, я поняла почему. Увидев дракона, Ласхи остановилась так внезапно, словно почувствовала приказ. А наездник соскочил со спины своего дракона и приблизился ко мне.

И только тогда я смогла рассмотреть его. Высокий, статный, беловолосый. Одет он был не по-нашему: тёплая рубашка и плащ, отороченный мехом.

— Добрый день. — Голос — глухой, с лёгкой хрипотцой — почему-то пробрал до дрожи.

— Добрый день, мастер, — я обратилась к синтару так, как принято у них.

В ответ он улыбнулся. И я выдохнула. Всё-таки не было в них ничего такого страшного, как ходили слухи.

— Как вы?

— Ласхи обычно спокойная, а тут испугалась дракона и понесла, — зачем-то пояснила я.

— А вы сами не боитесь разве? — беловолосый смотрела на меня с усмешкой, чуть наклонив голову.

— Нет, мастер, — я не поддалась на провокацию. — Мне не пристало бояться драконов.

— И почему же?

Он пытливо смотрел в глаза, словно изучал. Я чувствовала странную силу, исходящую от беловолосого. И ещё почему-то верила, что он никогда не использует ее... это нечестно, что ли. Он был старше меня, гораздо старше, но у синтаров не принято говорить про возраст. Поэтому мы толком не знали, сколько они живут. Им могло быть как десятки, так и сотни лет.

— Потому что я — дань, — ответила гордо и смело взглянула в лицо беловолосого.

Я ожидала увидеть жалость, но не заметила ничего подобного.

— Что ж, тогда вам действительно не стоит бояться драконов, ния. Ведь основной путь до Самар Тааса вам придётся проделать на них.

Самар Таас? Это город, в который меня повезут? Я хотела задать этот вопрос, но вовремя сдержалась. Пусть он думает, что я знаю, куда и для чего меня везут.

— Хотите познакомиться с Аросом поближе? — он жестом предложил мне подойти к дракону.

Я кивнула и как замороженная сделала несколько шагов вперёд.

Дракон был огромен. Белый, неуловимо похожий на своего синтара, завораживал мощью и силой.

— Положите руку ему на морду.

Я послушно исполнила этот почти приказ и почувствовала странное волнение и ещё радость, словно встретила давнего знакомого.

— Вы понравились ему, ния. Мы будем рады видеть вас через десять дней. А теперь нам пора.

— Благодарю вас, мастер, — кивнула.

Я несколько дней ходила и вспоминала эту встречу в деталях. Это было так странно и необычно. И вот вчера новая встреча с ним. Только теперь я видела его опасным и опытным воином, с дикой грацией зверя, когда этот беловолосый схлестнулся с Марком. И тем больше не могла понять, почему он оставил брату жизнь. Ведь я видела, что гест ждёт его решения. Хотела бы думать, что из-за меня, но это было бы слишком глупо и самонадеянно. Синтар наверняка уже давно забыл нашу встречу.

* * *

Следующие десять дней пролетели в суматохе как один, так что потом я не могла вспомнить, как они прошли. Мы готовились к приему синтаров. Их надлежало встретить достойно. Посреди площади поставили высокий помост, на нём то ли трон, то ли кресло. Главы всех десяти родов должны быть на встрече, и Марк в том числе.

И вот тогда-то Марк и вспомнил тот старинный обычай. Гест — некто вроде воеводы у синтар — сильно удивился, но дозволил поединок. А дальше всё произошло слишком быстро. Марка унесли, а мне разрешили лишь осведомиться у лекаря о его здоровье. Жизни брата ничто не угрожало. Наверное, я была благодарна беловолосому.

Ночь в молитвах и воспоминаниях пролетела так быстро, что я не успела опомниться, как за мной уже пришли служанки.

— Госпожа, пойдёмте. Всё готово.

Вот и пришла моя минута. Руки и ноги внезапно онемели, а силы словно иссякли. Как бы я ни готовилась, всё равно было тяжело.

Пока шла по извилистому храмовому коридору, взгляд невольно цеплялся за белоснежные занавеси на витражных окнах. Их повесили специально в знак того, что наша жертва добровольна, а помыслы чисты.

Долго ещё потом эти белые занавеси являлись мне во снах — так причудлива человеческая память. То, что нам не нужно — вспоминается долго, а то, что мы хотим запомнить — изглаживается из памяти, словно и не было.

Наконец, мы вышли из храма. Площадь перед ним была заполнена людьми. А в центре, в круге, стояли синтары — небольшой отряд со своими драконами. Всего несколько человек. Остальные ждали за городом. Из храма к синтарам вела небольшая ритуальной дорожка, устеленная красным ковром. По обеим ее сторонам плотной стеной стояли наши воины. Не все любили синтаров и не всем были выгодны мир и благополучие.

Девушки двинулись вперёд, к синтарам. Я шла последней и могла рассмотреть их. Кто-то откровенно и неприкрыто боялся, кто-то считал это своим долгом, как я, а кто-то даже радовался. Я знала всех по именам, но познакомиться ближе, чем позволяют простые правила вежливости, пока не довелось.

Может быть, в дороге выпадет такая возможность, хотя я не сказать что очень этого желала. Больше всего на свете мне хотелось повидать Марка, но брату не позволили выйти на площадь лекари — он был ещё слишком слаб. Так и получилось, что мы не попрощались, хотя расставались навсегда. По крайней мере, я не тешила себя надеждой, что мы когда-нибудь встретимся.

Мы шли медленно, высоко подняв головы. А людское море, сдерживаемое воинами, волновалось и шумело. Выдержка едва не изменила мне, когда услышала, что они кричат. Неужели не понимают, глупцы, что мы не добровольно отправляемся к синтарам, далеко от нашей родины и всего, что нам дорого? Спокойно! Всегда будут те, кто желает войны или революции. Зачем мне обращать на них внимание?

Я глубоко вздохнула и выпрямилась. Мне всё равно, о чём шепчутся в народе. Я не позволю им омрачить последние минуты на родине.